

Ф. З. КАНУНОВА

КАРАМЗИН И ЖУКОВСКИЙ

(Некоторые вопросы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского)

В библиотеке В. А. Жуковского, как это ни странно, не сохранилось ранних изданий сочинений Карамзина, его журналов, альманахов — всего того, что бесспорно очень внимательно читал Жуковский, что способствовало становлению его как литератора и поэта. Об этом свидетельствует и начало творческого пути Жуковского, и круг нравственно-эстетических, философских проблем, над которыми он размышляет в своих статьях, письмах, дневниках, и, наконец, многочисленные признания поэта о влиянии на него Карамзина. «У меня в душе есть особенно хорошее свойство, которое называется *Карамзиньим*: тут соединено все, что есть во мне доброго и лучшего».¹ Эти слова написаны Жуковским в 1816 г., но и раньше и позднее отношение Жуковского к Карамзину было отношением благодарного ученика, который осознавал большое влияние учителя не только на собственный жизненный и творческий путь, но и на русскую литературу и культуру в целом.

Можно говорить о трех важнейших гранях воздействия Карамзина на Жуковского. Во-первых, о влиянии личности Карамзина, общественном, нравственном, художественном. Для Жуковского Карамзин был примером писателя-патриота, дворянского просветителя. Во-вторых, о влиянии карамзинского сентиментализма, его философии, идей и образов, в частности о заботливом, поистине «карамзинском», отношении Жуковского к развитию русской художественной прозы. В пометах на книге А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка»² Жуковский вступает с ее автором в бой за Карамзина, с именем которого он, как указывалось, связывает прогрессивное развитие русской литературы. В неизданном «Конспекте по истории русской литературы», относящемся примерно к 1827 г., место Карамзина определяется Жуковским совершенно четко: «Появление журнала, который Карамзин начал редактировать по возвращении из своего путешествия, произвело полный переворот в русском языке. Карамзин открыл тайну *слова* в прямом значении — ясности, изяще-

¹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 568.

² См.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Ч. 1. С. 110.

ства и точности).³ Как историк литературы, Жуковский в своем «Конспекте» рассматривает эволюцию Карамзина — от периода издания «Московского журнала», который «носит еще характерные черты молодости»,⁴ до «Вестника Европы», вершинной точки Карамзина — собственно писателя. «Его проза, — говорит Жуковский, — достигает здесь истинного совершенства». ⁵ Весьма характерно, что не «Бедная Лиза» или «Наталья, боярская дочь», очень шумевшие ранние повести Карамзина, а зрелая сентиментальная проза — «Марфа Посадница», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный. Два характера», «Рыцарь нашего времени» — производит на Жуковского сейчас (середина 20-х гг.) наибольшее впечатление. Именно в этих произведениях Карамзин преодолевает издержки крайней сентиментальности, стремится к большему жизнеподобию и намечает пути дальнейшего развития русской прозы.⁶

Что до высокой оценки Карамзина-прозаика, то надлежит учесть, что уже в самом начале своего творческого пути Жуковский придает огромное значение художественной прозе, считая именно уровень ее эстетического развития критерием зрелости словесности (см. спор с Шишковым).⁷ Однако важнейшей предпосылкой высокохудожественной русской прозы является, по его мнению, высокий уровень литературного языка: «Стихотворные величественные картины меньше требуют чистого языка, нежели простые мысли. . .»⁸

Исследование круга чтения Жуковского наглядно свидетельствует об универсализме его мышления, в котором глубоко слился интерес к философии, естествознанию, истории, эстетике, поэзии всех веков и народов, что было характерно и для Карамзина. Часто Жуковский идет от тех же источников, что и Карамзин, проходит в своем образовании те же пути развития. Так, например, важнейшим философским трудом Карамзина явился перевод наиболее значительных глав книги Шарля Бонне «Созерцание природы». Жуковский, как показывают пометы на книге,⁹ тоже внимательно прочел труд Шарля Бонне, и с особенным интересом именно те главы, которые перевел и напечатал Карамзин. Очень родственно карамзинскому, хотя и вполне самостоятельно, отношение Жуковского к Кондилляку, к Ж.-Ж. Руссо, что явилось предметом специального исследования.¹⁰ Здесь же уместно сделать следующее общее замечание.

³ Жуковский В. А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 321—322.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Канунова Ф. З. Из истории русской повести: (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967.

⁷ Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. С. 122.

⁸ Там же. С. 111.

⁹ Там же. С. 339—342.

¹⁰ Там же. 1984. Ч. 2. С. 229—312.

Когда мы говорим о глубоком влиянии Карамзина на Жуковского, и в частности на его эстетику, то обращаемся, как правило, к раннему Жуковскому, который начинал в русле карамзинского сентиментализма. Однако при этом нельзя забывать, что некоторые коренные идеи эстетики поэта, его концепции человека (идея внесловной ценности личности, природной склонности человека к добру, свободы выбора, нравственного самоусовершенствования) — весь просветительский круг проблем, которые во многом определяют природу романтизма Жуковского, восприняты им в тесной связи с Карамзиным.

И наконец, третий аспект — это воздействие Карамзина-историка на формирование исторических и эстетических взглядов поэта. «История государства Российского», отрывки из которой Жуковский читал еще до опубликования первых восьми томов в 1816 г., вызвала его восторженное отношение: «Я провел несколько сладостных дней, читая его историю. Он даже позволил делать мне выписки» (письма от марта 1815 г.).¹¹ Иногда сам Карамзин знакомил Жуковского с отдельными главами своего труда. «Он читал нам описание взятия Казани, — сообщает поэт И. И. Дмитриеву в феврале 1816 г. — Какое совершенство! И какая эпоха для русского появления этой истории! Какое сокровище для языка, для поэзии, не говорю уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту историю можно назвать *воскресителем прошедших веков бытия нашего народа* < . . . > Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему».¹² В этом мнении помог утвердиться Жуковскому и А. И. Тургенев, который в определенной мере руководил историческим образованием поэта.

А. И. Тургенев очень хорошо почувствовал определенные просветительские тенденции в «Истории» Карамзина, ее достаточно высокий для своего времени историографический уровень и незаурядную художественную форму. В письмах 1808—1816 гг. он неизменно положительно и даже восторженно отзывался об «Истории» Карамзина. При этом следует отметить, что в своем отношении к Карамзину Тургенев претерпел определенную эволюцию. В геттингенский период он резко критически отнесся к статье Карамзина «О случаях и характерах Российской истории, которые могут быть предметом художеств». Научившись в Геттингене критицизму, Тургенев увидел в статье ориентацию на вымысел, «историческую басню», отсутствие критически проверенных фактов. В подходе к материалу Тургенев не различал научного и поэтического подхода, в то время как для Карамзина такое различие было принципиальным.

Впоследствии, изменив свой взгляд на Карамзина, А. И. Тургенев и сам указывал на свое прежнее холодно-критическое к нему

¹¹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 143.

¹² *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 568.

отношение: «Я совсем не был пристрастен к Карамзину. Это и ты, и Шлецер знаете».

Начиная с 1808 г. А. И. Тургенев множество раз в письмах к братьям, в разговорах с Жуковским высказывает горячее одобрение труду Карамзина-историка, методам его исследования. В письме от 23 июля 1808 г., говоря о своей большой дружбе с Жуковским, которую он считает «даром промысла», Тургенев тут же сообщает: «Вчера был у Карамзина в деревне. Восхищался его <...> историей. Я еще ни на русском, ни на других языках ничего подобного не читал тем отрывкам, которые он прочел мне из своей книги. Какая критика, какие исследования, какой исторический ум и какой простой, но сильный и часто красноречивый слог! Он превзошел себя. Скажи это Шлецеру. Открытия его в русской истории, собрания его редких и совсем неизвестных рукописей удивит его <...> Какой порядок в расположении и как он умел воспользоваться летописями. В этом отношении его можно сравнить только с швейцаром Миллером <...> Карамзин не забывает ничего в примечаниях и помещает в них целые тирады и примечательные пиесы, которые без того могли бы потеряться для любителей истории. От сего <...> течение в слоге и самое повествование ни мало не терпят».¹³ Через месяц в письме к брату эти мысли повторяются. Подобное мнение об «Истории государства Российского» у Тургенева устойчиво. Через год, 29 августа 1809 г., он снова пишет брату: «Скажите ему (Шлецеру. — Ф. К.), что я читал историю Карамзина и восхищался ею. Радовался, что наконец русские имеют или, по крайней мере, скоро будут иметь историю, достойную русского народа <...> Карамзин один из лучших историков этого столетия, которое прославили Шлецеры, Миллеры, Робертсоны и Гиббоны. Он смело может быть наряду с ними» (с. 396). «Скажи Шлецеру, — пишет А. И. Тургенев брату через месяц, — что Карамзин нашел новую полную Волынскую летопись, доведенную до 1297 года, богатую подробностями, вовсе неизвестными. Список прекрасный, XIV века; слог для знатоков любопытный, одним словом — сокровище, как пишет ко мне Карамзин. Он несколько ночей не спал от радости <...> Карамзин пишет свою историю: я с ним часто переписываюсь, и связь наша утверждается более и более» (с. 402).

Нужно полагать, что подобное отношение А. И. Тургенева к «Истории» Карамзина оказало значительное воздействие на формирование исторических взглядов Жуковского.

История интересовала Жуковского глубоко, страстно всегда, но было два периода преимущественного внимания к проблемам развития русской истории, и главным образом древней. Это прежде всего 10-е годы, когда эпицентром исторических штудий явился замысел поэмы о Киевской Руси — «Владимир», и 20-е

¹³ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 390. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

годы — в связи с педагогической деятельностью Жуковского. Одновременно к историческим занятиям Жуковского настоятельно обращали его творческие замыслы. Не случайно именно в этот период он создает художественный перевод «Слова о полку Игореве». Следует заметить, что в одном из рукописных вариантов переложения «Слова» Жуковский пишет на полях: «Спркосить» у Кар<амзина>»,¹⁴ что само по себе весьма показательно.

О внимательном изучении Жуковским труда Карамзина свидетельствуют не только книги, но и хранящиеся в бумагах поэта подробные конспекты «Истории государства Российского». На основании этих конспектов наряду с многочисленными другими источниками (летописи, Ломоносов, Шлецер, Эверс и др.) Жуковский пишет две статьи: «Введение в историю государства Российского» и «Черты истории государства Российского». Сравнение этих статей с трудом Карамзина¹⁵ свидетельствует не только о явной зависимости Жуковского от автора «Истории государства Российского», но и об определенном расхождении с ним, которое особенно проявилось к концу 20-х гг.

В истории Древней Руси Жуковский акцентирует внимание на том, что помогает с особой наглядностью высветить его концепцию просвещенного монарха, как она сложилась в конце 20—30-х гг. XIX в. Он строго судит о прошлом с позиции своего современника, с горечью говоря об отсутствии у правителя «ума и мужества»,¹⁶ осуждая жестокое хищничество, которое обрекает князя «умереть без славы». У Карамзина — тон более спокойный, эпический, необходимый историку, который повествует о *былом*. Карамзин *пишет* историю, Жуковский *учит* ею. Этот принцип отношения к прошлому отразился уже в самом названии его программной статьи «Польза истории для государей».

Вместе с тем необходимо отметить, что исторические взгляды Жуковского не выходят за рамки дворянской историографии 20—30-х гг., несут на себе черты ее ограниченности и одновременно свидетельствуют о ее кризисе. Теория просвещенного монарха приходит в столкновение как с историей российского самодержавия, так и с реальной практикой Жуковского — воспитателя будущего царя.

Пометы Жуковского на брошюре Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории»¹⁷ и «Истории русского народа» Н. А. Полевого¹⁸ вновь обращают нас к проблеме «Жуковский и Карамзин — историки», поскольку и Н. Г. Устрялов,

¹⁴ Архив В. А. Жуковского // ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 27, л. 3.

¹⁵ Подробнее см.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. С. 444—448.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Устрялов Н. О системе прагматической русской истории: Рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб., 1836. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

¹⁸ Полевой Н. История русского народа. М., 1829. Т. 1.

и Н. А. Полевой спорят с Карамзиным по ряду историографических проблем.

Бесспорна положительная реакция Жуковского-читателя на те места в книге Устрялова, где о трудах Карамзина говорится как о «великом подвиге» (с. 6),¹⁹ где характеризуется высокая источниковедческая культура Карамзина-историка, его историко-критический метод, его беспримечное искусство рассказа. Слова Устрялова: «Самые строгие судьи его могут говорить, рассуждать и спорить только о том, что описал Карамзин; далее предела, где пресеклась его История, они не восходят» (с. 12), — Жуковский отчеркивает и снабжает двумя восклицательными знаками.

Однако интерес Жуковского вызывает не только хвала Устрялова в адрес Карамзина, но и некоторые критические замечания (Жуковский, например, разделяет упрек Карамзину, не давшему «связной истории» Золотой Орды, несмотря на наличие материалов).

В своем споре с Устряловым Жуковский выделяет две проблемы — проблему периодизации русской истории и норманнскую теорию происхождения государства российского. Устрялов идет от периодизации Шлецера, который делит русскую историю на пять периодов (с. 13):

- от 862 до Святополка — рождающаяся;
- от Ярослава до монголов — разделенная;
- от Батые до Иоанна III — угнетенная;
- от Иоанна до Петра — победоносная;
- от Петра до Екатерины — процветающая.

Жуковский в своих исторических изысканиях идет вслед за Карамзиным, выделяющим три периода:²⁰

- древний — от Рюрика до Иоанна III;
- средний — от Иоанна до Петра;
- новый — от Петра до Александра.

Система уделов, как утверждает Карамзин, была характерна для первой эпохи, единовластие — для второй, изменение гражданских обычаев — для третьей.

В полемике Карамзина со Шлецером по проблеме периодизации Устрялов на стороне Шлецера (с. 13—14). Судя по замечаниям, Жуковский не разделяет этой точки зрения (13 вопросительных знаков, вопросы и отрицательные заметки на полях).²¹ Приведем наиболее характерное место из брошюры Н. Устрялова с замечаниями Жуковского.

¹⁹ См. подробное описание помет В. А. Жуковского в кн.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. С. 450—461.

²⁰ Подробнее см.: Там же. С. 449—464.

²¹ Критика Карамзина в книге Устрялова встретила неодобрение в пушкинском кругу. См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 243—245.

Сказав: Русская история лучше, истиннее, скромнее делится на Древнюю, Среднюю, Новую, он (Карамзин. — Ф. К.) очевидно принимал эти слова в том значении, в каком понимают их Европейские ученые при рассмотрении Всемирной истории, т. е. *Древняя История представляет мир исчезающий, Средняя служит переходом от Древнего к Новому; Новая объясняет начало и развитие тех элементов, из коих обновляется современная жизнь. Если допустить эти основания, идея о древнем Русском мире поведет к ложным умозаключениям. В таком случае надо будет предположить, что со времени Иоанна III, после крутого переворота, начался новый порядок вещей, изменились отношения внутренние и внешние (с. 14—15).*²²

Нет

Автор утверждает сперва ложь, потом себя же опровергает

Не вдаваясь сейчас в суть этого спора, укажем лишь, что главное недовольство Жуковского вызывает сам принцип подхода Устрялова к периодизации Карамзина и в связи с этим его взгляд на *древний* период русской истории.

Проблема исторического развития теснейшим образом связана для Жуковского с проблемой преемственности. С этой точки зрения поистине огромное значение имеет *древний период*. По мнению Жуковского, это важнейший период русской истории, заложивший основу ее дальнейшего развития, национального, общественного, политического (бедствие «удельной» политики, жестокость единодержавной власти, спасительность просвещения, в этот период сложились исконные и доминантные черты русского национального характера). Он вполне соглашался с Карамзиным, утверждавшим в полемике со Шлецером, что «век св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не рождения». Поэтому для Жуковского древняя история — не просто «мир исчезающий», как пишет Устрялов, и он ставит на полях свое решительное «нет». Устрялов, как думает Жуковский, не понял сути периодизации Карамзина, в основе которой лежит глубокая преемственность периодов. Отсюда запись на полях: «Автор утверждает сперва ложь, потом себя же опровергает». Отметим в связи с этим, что у Жуковского резко отрицательную оценку вызывает высказанная Н. Полевым в предисловии к «Истории русского народа» мысль о том, что государство русское начало существовать только со времени свержения монголо-татарского ига. Жуковский пишет в непривычной для него форме: «О, дурак». Такая реакция связана с особым отношением поэта к древнему периоду русской истории.

К числу очень важных и спорных вопросов, в понимании которых Жуковский, судя по всему, разошелся с Устряловым, относится норманнская теория, как она трактуется в книге «О системе прагматической русской истории». Дважды Устрялов в историографической части своего труда касается этой проблемы,

²² Курсивом выделена часть текста, подчеркнутая Жуковским.

и дважды Жуковский ставит на полях вопросительный знак (с. 16, 18; слова, подчеркнутые Жуковским, выделены курсивом). Полемизируя с Карамзиным о характере древней русской истории, Устрялов говорит, что «удельная система была господствующим явлением <...> только от Ярослава до монголов; до Ярослава же главным явлением было быстрое расширение норманнского господства над славянами и основание Руси». Критикуя общие методологические принципы Карамзина, Устрялов пишет: «Автор принимает за истину, что норманны положили в земле славянской начало Руси; следовательно, как виновники бытия Русской державы, они заслуживали самого тщательного внимания летописателя». Жуковский, по всей видимости, не склонен преувеличивать роли норманнов в русской истории. Между тем он так же, как и Карамзин, поддерживает норманнскую теорию происхождения российского государства, хотя и понимает ее своеобразно. Жуковский вслед за Карамзиным говорит «о вероятности Нестерова сказания, что князья варяжские не завоевали нашего отечества, и были избраны славянами управлять государством. Именно поэтому законы Ярослава не полагают никакого различия между россиянами варяжского племени и славянами».²³

Несмотря на то, что Жуковский вовсе не представляет себе отношения варягов и славян (русских) как идиллические, эта мысль была чрезвычайно важна, так как придавала норманнской теории своеобразную трактовку. Речь шла не об иноземном происхождении российского государства, а об иноземных правителях. Предпосылки же для возникновения русского государства возникли у самих славян. Вот почему Жуковский, читая Устрялова, не может согласиться с явным преувеличением роли норманнского господства и тем более видеть в норманнах «виновников бытия русской державы».

В обнаруженном нами недавно экземпляре «Истории русского народа» Н. Полевого (М., 1829) основные маргиналии Жуковского связаны с оценкой «Истории государства Российского». Жуковский не согласен с Полевым, утверждавшим в предисловии, что «благоговение к Карамзину многих его почитателей доходило до совершенного излишества». Жуковский подчеркивает эти слова и ставит знак вопроса.²⁴ Не принимает он некоторых методологических принципов истории Полевого, и в частности, как указывалось выше, его периодизацию, его отношение к истории Древней Руси.

Но, пожалуй, более всего спорит Жуковский с Полевым принципиально важному для него вопросу — о художественности «Истории государства Российского».

Полевой скептически относится в своем введении к мысли Карамзина о том, что главное достоинство истории он видит

²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1816. Т. 2. С. 63.

²⁴ Полевой Н. История русского народа. Т. 1. С. XXXV.

«в красоте и силе повествования» (слова Карамзина).²⁵ «Всякая история хороша, — утверждает Полевой, — если она и не красноречиво написана». Против этих слов Жуковский записывает на полях: «Нет! если историк этого не умеет, то для кого он трудится».²⁶ Главное достоинство «Истории государства Российского» в том, что это «сокровище для языка, для поэзии».²⁷ Именно Карамзин-художник сумел, как пишет Жуковский, создать историю, которую «можно назвать воскресителем прошедших веков бытия нашего народа». Здесь уместно вспомнить слова Пушкина: «История народа принадлежит поэту».²⁸

Весьма показательно, что Жуковский в связи именно с «Историей государства Российского» Карамзина выразил понятие «история — искусство», которое через сорок лет сформулирует Лев Толстой. Метод Карамзина-историка, синтезировавшего историческое и художественное, был чрезвычайно дорог Жуковскому поэту. В «Конспекте по истории русской литературы» (1827) Жуковский назовет «Историю государства Российского» лучшим памятником российской словесности. Таким образом, исторические и художественные интересы Жуковского слились воедино именно в процессе его исследования «Истории» Карамзина. На перекрестке этих путей рождались его художественные замыслы — от «Владимира» до стихотворного переложения «Слова о полку Игореве».

²⁵ Там же. С. XXXVI.

²⁶ Там же. С. XXIV.

²⁷ См. цитированное выше письмо к И. И. Дмитриеву.

²⁸ Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. С. 359.